

Опасные
удовольствия

ОКСАНА ОБУХОВА

Д Д Д ПРОСТИСЬ СО ВСЕМИ, ДЕТКА!

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Простись со всеми, детка!

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Простись со всеми, детка! / О. Н. Обухова — «Центрполиграф»,
2020 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08979-3

Смерть безобидного пьяницы, недавно унаследовавшего квартиру в добротном сталинском доме, еще можно было считать просто трагической случайностью. Но убийство частной сыщицы Вероники Матвеевой, взявшейся за расследование гибели удачливого наследника, никакой случайностью объяснить не получалось. Евдокия Землероева потрясена смертью коллеги и полна решимости добраться до преступника, передать его в руки закона. Наемный убийца Зураб в бешенстве – шныряющая по дому ищейка поставила выполнение операции под угрозу. Девчонку он просто зарезал, выбрав подходящий момент. У Землероевой была репутация опытной и хитроумной сыщицы, выходящей победительницей из самых сложных ситуаций. Зурабу нравилась мысль заманить Дусю в ловушку, прежде чем убить ее...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08979-3

© Обухова О. Н., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Первая часть	6
Евдокия	6
Зураб	16
Евдокия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оксана Николаевна Обухова

Простись со всеми, детка!

© Обухова О.Н., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

Первая часть Кто там затаился?

Евдокия

Его рука тянулась бесконечно долго, плавно...

Евдокия подумала, что Паршин так и не отважится к ней прикоснуться, но он – сумел. Решился смахнуть с ее виска нависшую прядку, и Дуся, нажав плечом на мужскую ладонь, задержала любимую руку у своей щеки.

Растворилась в ощущении абсолютного счастья!.. Вслушалась в знакомую мелодию, плывущую по открытой террасе ресторана.

Вдоль балюстрады – несколько свободных столиков. Слегка трепещут белые прозрачные полотнища, прикрывшие балкон, откуда открывается нереальный вид на море, лакированное предзакатным солнцем.

Евдокия понадеялась, что Паршин пригласит ее на танец. Улыбнулась.

Черты лица Олега внезапно исказились и поплыли... Через мгновение напротив Евдокии уже сидел Антон. Крученный. Рецидивист и рэкетир.

Дуся отпрянула! Крученный потянулся к ней... В недавно ласковой руке мужчины-трансформера вдруг оказался пистолет.

Уф!

Землероева проснулась. Под влажной щекой проминалась родимая подушка, под жаркой пижамой в лиловых розочках бешено стучало сердце.

Дуся резко села на постели и очумело оглядела спальню, будто рядом мог находиться кто-то из приснившихся мужчин.

Причудится же этакое: Крученный и Олег. Рецидивист и бывший мент. Один в одном, хотя и антиподы.

Бывает. Но не часто. И вероятно, не со всеми.

В сны и приметы трезвомыслящая сыщица Евдокия Землероева не верила. Но личному подсознанию доверяла абсолютно, а то сейчас заволновалось: «Запуталась ты, девка, в двух парнях, отсюда и кошмары. С эротическим подтекстом».

– А пошло оно все к черту, – рассудительно высказалась московская сыщица и откинула одеяло.

С начальником-партнером Паршиным все более-менее понятно: здесь влюбленность и преданность перемешались в равных долях. С ним Евдокия толком и не целовалась.

А вот с Крученым секс случился. Такой, что не забыть.

Но забывать придется, на что бы там ни намекало подсознание. Антон и Евдокия – две разные планеты: Крученный – урка, Евдокия – сыщик. Он в Н-ске, она в Москве. Далеко, и слава богу!

Но вспоминая сон, Евдокия думала прежде всего о нем.

Черт побери убойный секс!! Не хватало еще на нем зациклиться. Не нимфоманка же, в конце концов. А вполне себе взрослая девушка. Под тридцать.

Дуся резко села на кровати. Взьерошила шевелюру, разгоняя остаток сна.

На прикроватной тумбе, оживая, негромко запиликал телефон.

Сыщица взяла трубку, мазнула взглядом по дисплею: там высветилось имя «Дима Павлов».

Недавнее ошеломительное сновидение не позволило толком удивиться: чего это Павлову в восемь-то утра понадобилось?! Евдокия хрипло буркнула в трубку:

– Да, Дима, слушаю. Привет.

– Доброе утро. Не разбудил? Проснулась? – вежливо поинтересовался следователь.

Вкрадчивая интонация показалась Дусе нетипичной. Чуть-чуть влюбленный в сыщицу следователь обычно приветствовал ее кратким «здорово» или «как дела?». Но нынче что-то заюлил.

В животе Евдокии, под поджавшейся диафрагмой, мгновенно поселилось нехорошее предчувствие.

– Не разбудил, – вставая с кровати, проговорила сыщица. И сразу уточнила: – Что-то случилось?

– Ну как сказать... – замялся Павлов. – Не телефонный разговор... – И пока встревоженная подруга не начала бомбить вопросами, предупредил: – Я через пару минут буду у тебя, уже паркуюсь во дворе. Паршин тоже сюда едет. На метро.

– На метро? – переспросила Дуся. – Ко мне? А почему не в офис?

– Пробки, вся Москва стоит, – втолковал непроснувшейся приятельнице следак. – Мне получилось быстрее до тебя добраться, ему же вообще через весь центр пилить... Все, Евдокия, жди, я на подходе.

Дуся швырнула трубку на кровать и заметалась по спальне, меняя игривую пижамку на спортивный костюм и готовя две пары мужских тапочек.

Попутно кофеварку активировала.

В голове сновали мысли: «Что-то случилось, что-то случилось... Но если Паршин едет, то жив-здоров... Тогда куда ударило?!...»

Предчувствие не подвело. Удар лег близко.

Вошедший в квартиру Павлов скинул дубленку, сумрачно поменял уличные башмаки на велюровые шлепанцы. В глаза хозяйке не смотрел, сопел, вздыхал.

– Дим, ты чего пыхтишь?! Можешь мне сказать, что произошло?! – не выдержала Землероева.

– Для того и приехал. Кофе угостишь? Я сегодня ночь дежурил, не спал, как понимаешь...

Евдокия провела друга в просторную кухню, поставила перед ним чашку с кофе и пустую пепельницу. Предложила традиционную нарезку из хлеба, колбасы и сыра.

– Ну все, Дима. Все. Я готова. В обморок не грохнусь, говори.

– Сегодня ночью я выезжал на убой в клуб «Герда». Девушку там шилом закололи. – Павлов на мгновение замялся. – Веронику Матвееву.

– Мотю?! – Землероева охнула и приложила ладонь к губам. – Нашу – Мотю?!!

Следователь кивнул.

– В ее сумочке нашли визитки с названием вашего агентства, я сразу же Олегу позвонил, он попросил дать тебе выспаться, и мы договорились, что встретимся утром у тебя дома.

Не отнимая пальцев от губ, Евдокия потрясенно села на высокий трехногий табурет. Помотала головой:

– Не может быть...

Вероника Матвеева училась с Дусей в одном классе. Четыре дня назад, несказанно удивив однокашницу, пришла в их офис наниматься в сыщицы. После окончания школы девушки почти не виделись, и, когда призадумавшийся Паршин начал задавать вопросы относительно потенциальной труженицы сыска, Дуся не знала, что ему и ответить.

В школе Матвеева прославилась как ярая отличница-активистка. Рапортовала на конференциях и слетах, отличалась детальной исполнительностью и чинопочитанием. (В отличие

от Евдокии – отличницы-тихушницы, всегда старавшейся составить собственное мнение.) В классе активистку не любили, считали шилом в каждой заднице.

И вот эта неумная и не затихшая за годы энергия привела Матвееву в агентство частных детективов. Евдокия тогда решила: правдоискательство вызрало не по-детски, искало выход и точку применения.

Четыре дня назад Паршин аттестацию прослушал и задумчиво поскреб в затылке: агентство задыхалось от нехватки исполнительных работников! Но главным был вопрос не исполнительности, а порядочности и умения держать язык за зубами. Реноме агентства держалось на неукоснительном соблюдении конфиденциальности. Клиенты доверяли детективам.

– На твою Веронику можно положиться? – прищурившись на Дусю, спросил патрон и совладелец фирмы.

– Во-первых, она – не моя, – прежде всего расставила точки Землероева. – Мы тыщу лет не виделись. О том, чем я нынче занимаюсь, Моте разболтала Линка Синицына. Так что отвечать за нее...

– Не будешь? – договорил за девушку патрон.

– Немного мимо, – поморщилась Евдокия. – Не могу. Когда-то Мотя диктанты не списывала и двойки в дневнике не исправляла... Но это – показатель?

– Нет. Возьмем на испытательный срок. Сколько тебе одной мышку-наружку из себя изображать?

Вопрос прицельно бил в наиболее уязвимое место. Из высокорослого Паршина с физиономией стопроцентного мента филер – сомнительный. От него за версту тянуло определенным родом деятельности, на слежках в клубах, где один молодняк тусуется, обычно отдувалась Евдокия, так что вопрос о новом лице в детективной фирме давно назрел.

Но вот порядочность... конфиденциальность... Клиенты к сыщикам потому и шли, что те ни разу никого не подвели. Но детективов – двое. Эту пару цементировало абсолютное доверие друг к другу и железобетонная надежность.

– Давай попробуем, – сказала Евдокия. – Все же Мотя не человек со стороны и раньше в косяках не замечалась.

После того как Веронике объявили, что ее берут на двухмесячный испытательный срок, Матвеева стремительно заказала себе сотню визиток с потрясающей воображение строкой «частный детектив». И треть из них буквально тут же раздала друзьям, родственникам и соседям.

Но это – лирика, картинки с выставки. Несколько этих визиток сегодня ночью нашли в сумочке убитой в клубе девушки.

...Евдокия отняла ладонь от губ и прошептала:

– А может быть, это не Вероника? Может быть, подаренные визитки у кого-то нашли?

– Нет, Дуся. На ее телефон пришел вызов от сестры, я ответил и пригласил в «Герду»... Все в масть, подруга, сестра убитую опознала.

– Твою ма-а-ать... – прошептала Дуся. – Ирка в клуб приехала?!

– Да.

Старшую сестру Вероники сыщица тоже знала, Ирина училась в классе на три года старше в той же школе.

– Дим. Какие-то версии уже появились?

От вопроса у Павлова кисло дернулась скула.

– Появились. И поганые. Я потому к тебе и приехал. В руке Вероники был зажат пакет с «коксом».

– Что-что?! – опешила Землероева. – У Моти «кокс» нашли?!

– Нашли, – безапелляционно заявил следак. – Я потому к тебе и приехал. Спросить хотел: баловалась ли ваша Мотя дурью?

– Да ты чё, Димон, офонарел?! – Евдокия вскочила с табурета. – Матвеева – идейная! Она...

– Угомонись, – прервал хозяйку хмурый гость. – Сестра и друзья Матвеевой о том же говорят. И посему есть рабочая версия: Матвеева наткнулась на дилера, пригрозила его сдать, тот ее и успокоил. Навечно.

– Шилом? – хмыкнула сыщица. – Дим, я в «Герде» бывала. Там не полный пафос, но место приличное, а шило либо заточка – зэковский инструмент. «Герда», Дима, не пивнушка, где урки собираются.

– Согласен, – вздохнул Павлов. – Несоответствие выплывает. Удар – профессиональный, четко в сердце. А вокруг молодняк.

– Информацию с камер наблюдения уже проглядели? – быстро уточнила Евдокия.

– Второй сюрприз, – печально хмыкнул следователь. – В клубе ослепили две камеры: ту, что показывает определенный столик, и другую – на выходе из танцзала. Использовали лазерную указку. Очень ловко, из толпы сработали.

– Ого. Получается... профессионал?

– По всему, Дусенция, по всему, – опять вздохнул приятель. – Я Олега спрашивал, он говорил: вы девочку к своим делам еще не пристегнули, так что с вашей стороны прилететь не могло... Но откуда тогда «чистая» работа, Дуся?.. Девочку не перетрушенный наркот убрал. А кто-то шибко подготовленный и, вероятно, умный, убивавший. Скажи, что там за история с квартирой вашего одноклассника? Сестра о ней упомянула, и Паршин что-то промышчал... Там черными риелторами не пахнет?

– Теперь не знаю, – созналась Дуся.

Четыре дня назад Вероника пришла в агентство не просто так – в работники наняться, а с просьбой. Уговорила Евдокию помочь разобраться в гибели их одноклассника Кирилла Воронцова. Не верила Матвеева, что Кирия умер сам собой, считала, будто руку приложила жадная воронцовская родня.

История на первый взгляд и вправду выглядела мутной. Кирилл получил в наследство от бабушки двухкомнатную квартирку в центре столицы. Переехал от родителей, живших вместе с его старшей сестрой Натальей, ее многочисленным потомством и слегка трудолюбивым мужем.

И зажил Кирия – весело. Спивался, правда. Одну комнату сдавал, и на дешевое пойло вполне хватало.

– Евдокия, – сообщала неугомонная Мотя, – я уже была в полиции, там меня... послали. Куда мне еще сходить, раз ты сыщица и всех подозреваемых с детства знаешь?

Действительно. Куда? Все фигуранты из одного района, большинство училось в школе с нынешней беззаветной сыщицей Евдокией Землероевой.

И Наталью Дуся знала распрекрасно. Ее мужа Толика Карпухина помнила в лицо и слышала, что у того занятная родня: три брата Карпухиных имели на районе репутацию завязтых дебоширов. Старший брат Геннадий недавно отсидел, вернулся пару месяцев назад – жить негде, дома все друг у друга на головах стоят.

И посему жилище молодого пропойцы Воронцова всем не давало спать спокойно.

– Вот голову на отсечение, Землероева, – клялась Матвеева, – Кирию братья Карпухины пристукнули! Вот посмотри. Генка только что вернулся из тюрьмы, и глядь – двух месяцев не прошло, а Кирию уже находят в подъезде с пробитой головой! Не подозрительно, скажешь?

– Согласна. Подозрительно.

И тут надо добавить, что именно искреннее равнодушие к судьбе спившегося одноклассника и позволило Паршину благожелательно отнестись к потенциальной подчиненной

Моте. Поскольку бывший капитан милиции и сам был несколько идейным и полагал: все корни современного злодейства зарыты во всеобщем равнодушии и сребролюбии. Погряз мир в безразличии и жажде легких денег.

А Мотя выступила пылко. Неуспокоенно. Искала правду и за ближнего радела, пусть тот и спившийся, ленивый обормот.

Так что когда Моте и Евдокии понадобился поводырь-толкач в правоохранительной среде, Олег нашел приятеля, через которого вышли на участкового, потом на опера: потолковали.

...Евдокия тоскливо поглядела на Павлова и невразумительно повела плечом.

– Дим. Там все – прозрачно. В смерти нашего одноклассника Воронцова черным по белому: несчастный случай, смерть от падения с высоты собственного тела. Я дело читала. Кирилл был в стельку пьян. Вероника, правда, к этому и прицепилась, мол, зачем смертельно пьяному человеку бродить по лестничной площадке? Но... На подъезде камера наблюдения, никто чужой в подъезд не заходил.

– То есть, – прожевывая бутерброд, невнятно чавкнул Павлов, – привязаться не к чему?

– Угу. Вероничка побегала по подъезду, попоказывала бабушкам и кумушкам фотографии Карпухиных... В тот день никто их там не видел. Воронцов упал на лестнице и треснулся башкой о ступеньку в двенадцать ночи. За час до этого в подъезд никто не заходил, а позже не показывался! А эксперт точно говорит – след от удара по голове совпадает с конфигурацией ступени! Там все, Дима, совпадает – и рост, и вес, и высота падения, и брызги крови, и свидетельские показания!

Евдокия горячилась. Переживала, что проглядела нечто в истории гибели одноклассника и допустила смерть Вероники!

Ведь не исключено, что активистка Мотя не успокоилась и не поверила экспертам-профессионалам. Продолжила расследование и нарвалась.

На шило в клубе.

– Господи, какая дурь, – пробормотала сыщица. – Чего она там на пустом-то месте накопала?!

– Где? – отпивая кофе, уточнил следак.

– Да там же. – Дуся огорченно махнула рукой. – В смерти нашего Кирюхи.

– То есть... Вариант «нарвалась на шустрого наркодилера» ты уже отмечаешь?

– Нет, конечно. Мотя – правдоискательница. Вполне могла рогом в землю упереться и пригрозить, что сдаст дилера в полицию. Но раньше... бывая в «Герде», я не замечала, чтобы там кокс толкали. Дешевку – экстази, траву – толкают, куда ж без них. Но вот кокос... Откуда он у Моти?! – Евдокия огорченно подергала себя за мочку уха и, глядя в стол, сказала: – Дим, слушай. Позволь мне в смерти Воронцова покопаться, а? В дела «главдури» я не полезу, не моя деланка, понимаю. Но вот Кирюха... – Дуся подняла прищуренные глаза на друга-следователя. – Там я, Дима, плотно в теме. Даже вспоминать и уточнять ничего не надо, всего три дня прошло. Везде сплошь однокашники и земляки.

– Ожидал, что спросишь, – усмехнулся Павлов. – Паршин-то отпустит?

– А ты сам с нашей колокольни погляди, – жестко предложила Евдокия. – Если Мотя по-случайному нарвалась... что ж, всякое бывает. Вечная ей память. Но если это мы хорошей девочке помощь пообещали, а ничего не сделали... да нагадили еще, поиграли в «типа сыщиков» и бросили... Дим, это по-людски, а? Скажи.

Павлов сумрачно поглядел в чашку, покрутил остатки кофе по ее краям и скривил лицо.

Ответить не успел, из прихожей раздался звонок домофона.

Евдокия утыкалась носом в расстегнутую куртку шефа. Паршин тихонько терся подбородком о встрепанную девичью макушку, довольно высокая Дуся свободно поместилась бы и под мышкой громадного бывшего оперативника. Погладил ее по спине.

– Ну ладно, ладно... Не плачь. Давай встряхнись, работать надо.

– Угу, – хлопнув носом, буркнула Землероева и отлепилась от командира. – Пойдем, я кофе тебя напою. Яичницу сделать?

– Нет. Бутеров нарежь.

– Уже.

Но бутерброды «уже» доедал оголодавший на ночном дежурстве Павлов.

– Олег, я сейчас к тете Тане, маме Вероники поеду, – кромсая ножом колбасу, говорила Евдокия. – Думаю, и Ира там. Пообщаюсь.

– Угу, – согласно кивнул Паршин.

– Ты без меня справишься?

Командир повел плечом.

– А то. Тут и делов-то – данные нового кекса Суриковой установить. Этот заказ мы, считай, уже оформили.

Евдокия кивнула. Олег был прав, клиенту – ресторатору Сурикову уже можно доложить об окончании расследования. Его жена, не особенно скрываясь, целовалась с любовником в кафе и на улице. Ретивая сорокалетняя бабенка, шубы меняла чаще молодых бойфрендов. А ресторатор рогами обвешан так, что голову носить устал, и статус мужа, кстати.

Петляя по второстепенным улочкам и умело избегая пробок, Евдокия добралась до дома Вероники. Припарковавшись у подъезда, некоторое время сидела, уставившись в стекло и тиская руками руль: сил набиралась перед встречей с раздавленной горем матерью.

Решилась. Вылезла из «рено». Хлопнула дверцей автомобиля и по плохо расчищенной после ночного снегопада дорожке поплелась к подъезду: «Господи Всевышний! Дай нам всем силы!»

Тетя Таня спала. Врач скорой, вызванной Ириной, сделал ей укол успокоительного.

– Проспит до вечера, – встречая Евдокию, негромко проговорила старшая сестра покойной. Низенькая полногрудая блондинка лет тридцати с небольшим.

Жила Ирина отдельно, в новостройке возле МКАД, но на ближайшие дни, вероятно, поселится здесь. Оставит мужа и детей поблизости от их школы, где муж учителем работает, возьмет отпуск за свой счет и встанет на круглосуточное дежурство с аптечкой в зубах.

– Пойдем на кухню, я там борщ варю, скоро все наши соберутся... Чем-то их кормить надо.

Сыщица повесила на плечики скромную черную курточку. Переобулась в тапки и достала из сумки конверт.

– Вот, Ирина. Возьми. Это на расходы и памятник.

Ира взяла конверт и молча засунула его в карман фартука на животе. По длинной тесной кишке коридора отправилась на кухню. А Евдокия следом потащилась.

«Эх, паршиво-то все как! Ирка за ночь постарела лет на десять. Глаза ввалились, рот поджался, даже помадой по губам не мазнула... Беда, беда...»

Ирина колдовала над заправкой для борща, сидящая на табурете гостя смотрела в ее спину и не знала, с чего начать разговор. Соболезнования уже высказаны. Прилично ли начать расспросы?

– Ир. Скажи. А почему Вероника решила в сыщицы наняться? У нее педагогическое образование и вроде...

– Почему?! – неожиданно и резко развернулась Ирина. Швырнула в мойку деревянную лопаточку. – Да все твоя Синицына-дурища!!

– Линка? – удивленно уточнила Дуся. – А она-то здесь при чем?

Нависая над сидящей гостьей, Ирина повела рассказ.

Примерно две недели назад встретила Мотя на улице одноклассницу Синицыну – лучшую подружку Дуси. Синицына счастливая, беременная, вся в соболях. (Мама уговорила Линку рожать в московской клинике у знакомого акушера. Муж Сергей остался дома в Н-ске, но мотался в Первопрестольную как подорванный.) Вероника расспросила Ангелину о житебытье, завистливо вздохнула: «И где ж таких мужей берут?»

Синицына, скорее в шутку, интригуяще подмигнула:

– А ты у Землероевой спроси. Сережу мне Дуся подогнала.

(Ответ, положи руку на сердце, правдивый.)

И Мотя призадумалась. А дальше сделала весьма логичный вывод.

Чем чаще всего занимаются частные детективы?

Службой. За шаловливыми супругами. То есть клиент-мужик идет небедный и уже морально готовый к разводу. Душевно потрепанный, тепленький, печальный.

Мотя нарисовала себе картину: в агентство день-деньской валом валят опечаленные бизнесмены, а тут... она. Вся из себя порядочная, добрая и верная. Готовая послушать и помочь.

Логично, черт возьми. И Вероничка размечталась о соболях, перстнях и круглом беременном животике.

«Ну надо же, как бывает, – слушая Ирину, поражалась Землероева. – Я все за чистую монету приняла, решила, будто Матвеева подалась в сыщицы на волне правдоискательства... А она...»

– А она просто замуж хотела, Дуська! – всхлипывая говорила старшая сестра покойной. – Замуж!! Детей нарожать...

Ирина схватила кухонное полотенце, высморкалась в него и разозленно зашвырнула тряпку в мойку к испачканной свекольным соком лопаточке. Продолжила почти спокойно:

– Она и в «Герде»-то этой чуть ли не каждый вечер заседала, чтоб, значит, приехал туда за ней принц на белом мерине. С друзьями там встречалась.

Продолжая говорить, Ирина повернулась к плите, переложила в кастрюлю с бульоном заправку и накрыла ее крышкой.

– Выпьем, а, Дусь? Помянем нашу девочку? – развернулась к гостье.

Евдокия невольно поглядела на настенные часы, показывавшие половину двенадцатого. Подумала: «Не рановато ли?.. Тем более я за рулем».

Но отказаться не посмела, поскольку Ира продолжала:

– Я как раз борщ доварю, рюмашку грохну и, может быть, усну на часик? Вторые сутки на ногах, глаз не сомкнула, а сна нет как нет.

Ирина достала из навесного шкафчика початую бутылку с отличным коньяком. Мотя, помнится, шутила: «Иркин муж – училка. Нашему Игорьку уже давно пора магазин открывать, первосортной выпивкой и дорогущими конфетами приторговывать. – Недоумевала: – И почему у благодарных родителей такое скудоумное воображение: раз учитель – мужчина, значит ему на все праздники вина да коньяки дарить ну просто обязательно необходимо!»

Учительская жена достала из того же шкафчика еще и коробку эксклюзивных шоколадных конфет, села за стол напротив Дуси, накапала коньяку в простецкие (кухонные) рюмашки.

– Ну. Земля пухом моей Вероничке.

– Царствие Небесное, – поддержала Евдокия.

Выпили не чокаясь, поморщились, скорее от послевкусия трагедии.

– Ир. Ты друзей Вероники, что с ней вчера были, хорошо знаешь?

– Угу, – кусая конфету, кивнула женщина.

– Можешь мне рассказать, как вчера все было?

– Могу, конечно. Слушай.

О том, что и как происходило вечером в клубе «Герда», Евдокия уже знала от Павлова, но услышать историю из уст родной сестры покойной – не лишнее. Ира лучше следователя знает всех ребят и девушек, с ее подачи и ракурса может выплыть нечто новое, полезное для дела.

Но Ира ничего особенного к рассказу Павлова добавить не смогла.

Дружная компания из восьми ребят – пяти девушек и трех парней – обычно старалась занять любимый столик в полукружии диванчика-подковы. Столик этот стоял почти посередине зала, за спинкой дивана туда-сюда ходили посетители. За вспышками светомузыки разглядеть их передвижения довольно сложно. Вероника в какой-то момент оставила друзей на танцполе, вернулась за столик, собираясь пригубить коктейля и немного отдышаться...

В тот вечер в клубе проводился конкурс «Лучшая подружка Санта-Клауса». Декабрь вообще своеобразный месяц, чуть ли не с первых чисел он проходит в последовательном предвкушении магазинных распродаж, каникул, католического Рождества и далее-далее, по нарастающей, до середины января.

Веронику, скорее всего, ткнули шилом в наиболее кульминационный момент вечера: на возвышении, под крики толпы, собрались финалистки в коротких алых полушубках на полуголых телах. Сверкали дорогим бельем. Толпа ревела, подхлестывала подвыпивших Снегурочек одобрением... Освещение сосредоточилось на подиуме, остальной зал почти погрузился в темноту, все внимание клиентов и работников «Герды» сосредоточилось на лихих Снегурках.

Когда друзья вернулись за столик, то не сразу поняли, что Вероника мертва. Протискиваясь мимо вроде бы задремавшей Моти, одна из девушек задела ее колени, Вероника завалилась на сиденье...

Визг перепуганной подружки Моти не заглушила даже «кислота».

– В общем, что сказать? – закончила повествование Ирина. – Убили – не заметили.

– Понятно, – поерзав по табурету, кивнула Землероева. – Ир. А смерть Кириухи Вероничка всерьез расследовала? Или так... для галочки, чтоб к нам в агентство устроиться?

Ирина покрутила головой:

– Всерьез. Кода в конце августа ей отказали в приеме на работу в частную гимназию, Вероничка на пару месяцев духом пала. Потом вроде бы опомнилась. Начала опять искать работу... А тут смерть Воронцова. Встреча с Линкой. Все один к одному сложилось, Вероничка в расследование всерьез вцепилась. Хотела доказать, что видит то, чего другие пропускают.

Она ж у нас упорная. Была.

– Ей кто-нибудь угрожал?

– Нет.

– Она тебе что-нибудь о своем расследовании рассказывала?

– Да когда? – повела плечом сестра. – У меня работа, дети, дом... Почти не виделись.

– Понятно. Прости.

– И ты о ней, Дуся, плохо не думай. Вероничка не врушка, она просто хотела выйти замуж. За хорошего человека.

Мама Евдокии Землероевой утверждала, что основной отличительной чертой ее дочери является Упрямство. Именно с прописной буквы. (Паршин, скрытно уважавший это же свойство подруги, в эпитетах не скромничал и больших букв ей не присваивал, мог приласкать «козой упертой», «ослицей» или «самой упертой девицей Москвы».)

Набычившись и стискивая зубы, Евдокия ехала к пятиэтажной брежневке, располагавшейся в пятнадцати минутах ходьбы от площади у трех вокзалов. От Павлова она уже узнала, что реанимировать дело о смерти Воронцова по вновь открывшимся обстоятельствам ему

навряд ли позволят. Дело изначально – тухлое, в архив списали и забыли. Максимум что сделал Дима – это отправил с утра двух оперов по адресам для выяснения алиби братьев Карпухиных.

И уже отзвонился по одному из фигурантов:

– Геннадий был у подружки с вечера по утрам. Вместе с ними до часу ночи заседали еще три типажа, Гену и соседи видели, так что алиби – подтверждено. Увы.

– Он мог не сам убить.

– Заказать? – усмехнулся Павлов. – О чем ты, Дуся, Карпухины – голь перекатная!

– Но старший Карпухин имеет определенные связи.

– Да я не спорю... Покопаться надо.

– Вот я и еду... рыть.

– Бог в помощь. Если что – звони.

«Рено» сыщица приткнула к мусорным бачкам за двести метров от нужной пятиэтажки. Погода разгулялась, выглянуло солнце, на улицу могли просыпаться старушки-кумушки – лучшие болтливые свидетели. Но вот подруливать на дорогой машине к этим бабушкам негоже. Стереотип «богатое – сплошь наворованное» в них не изжить, проник он до костного мозга за благодушные десятилетия социалистического равенства. Прижился, стал второй натурой.

Евдокия пробралась по неметеным тротуарам до расчищенной лавочки на детской площадке. Пока брела, поглядывая на серую кирпичную пятиэтажку, изобрела легенду. Решила не пугать старушек рассказами об убийстве, прикинуться овечкой в поисках наемного жилья. (И Диму, что немаловажно, подставлять нельзя. Участковый на районе – не простой товарищ, сталкивались. Доложит, что по убийству работает детективное агентство – что в принципе противозаконно! – и взгреют старшие товарищи Димона по самое не балуйся.)

На мягких лапах, стряхивая снег с сапожек, Евдокия подкралась к греющимся на морозном солнце бабушкам.

– День добрый, – расцвела улыбкой. – Можно вас спросить?

Непростые столичные старушки – числом четыре – дружно прищурились. Две из них кивнули.

– Я тут жилье ищу, – смущенно приступила Евдокия. – Сказали, в вашем доме можно квартиру снять? Либо комнату.

В удачно расположенном доме, что в шаговой доступности от трех вокзалов, квартиру можно было снять даже на час. Половина жильцов подобным промыслом не брезговала, сдавали и освобожденные под «это дело» комнаты. Вторая половина квартир вообще использовалась исключительно под съем. Как не использовать момент, раз уж расположение такое везучее да прибыльное, не слишком пыльное?

Старушки тотчас оживились.

– Дак комнату или квартиру? – поинтересовалась бабушка в шикарном пуховом платке.

– А это зависит от того, сколько попросят за наём, – пуще прежнего «смутилась» якобы провинциалка. Евдокии – кровь из носа! – надо было получить легендарный доступ в третий подъезд дома! Тот, в котором жил и умер Воронцов, по которому ходила Вероника. Работать дальше станет просто: новая жиличка примется лихо знакомиться с соседями, о столичных буднях задавать вопросы. С дальним прицелом на криминальную обстановку района временного проживания.

Топать же проторенным покойницей путем и представляться сыщицей может быть опасно. Либо бесполезно, в подобных случаях сдатчики жилья (не все из которых налоги платят) встают единым фронтом и вешают замки на языки.

...Внимательно приглядываясь к бабушкам, Евдокия старалась засечь невольный взгляд какой-нибудь старушки, брошенный на нужный подъезд.

Пока не получалось, поскольку бабки жадновато, все как одна, тарасились на гостью.

– За комнату не много попрошу, – заявила кумушка в платке и назвала фантастическую сумму.

Евдокия крикнула.

– А посмотреть ее можно?

– Чего ж не посмотреть, – сказала ушлая старушка, встала с лавочки и, отряхивая зад от снега, повернулась к пятому подъезду.

– Подождите! – попросила Дуся. – А квартиры кто-нибудь сдает?! Желательно не угловые.

– Ишь ты, – разочаровано поджала губы вставшая бабушка. – Не угловые всем подавай.

Три остальные кумушки переглянулись.

– У Ивановны вроде бы жилец съехал, – предположила тетушка в вязаной ушанке. Автоматически переместила взгляд на третий(!) подъезд дома. – Но у нее, девонька, двухкомнатная. Дорого возьмет. Да и не всех пускает, привередливая.

– Не важно. Ко мне скоро сестра приедет, вместе – осилим. Подскажите, пожалуйста, номер квартиры.

Заканчивая разговор, Евдокия собиралась заплатить некой Ивановне сполна за недельное проживание. А после вновь выйти на улицу и потолковать с бабушками на предмет: ближайших магазинов, транспортных развязок, возможного устройства на работу, криминальной обстановки... С временной соседкой разговор пойдет уже по-свойски, живенько.

Но пока Евдокия лишь повернулась к дому, поглядела на окна третьего подъезда...

На четвертом этаже едва заметно колыхнулась занавеска. Евдокии показалось, что от окна кто-то быстро отошел, овал лица мелькнул.

Зураб

Зураб резко отпрянул от окна! Ушел в тень комнаты.

Все утро он приглядывал за улицей, надеялся, что в «Герде» все прошло гладко и к дому у трех вокзалов следствие интереса не проявит. Кокаин, подсунутый в руку мертвой девушки, уведет ищеек по другому следу. Иных привязок киллер не оставил.

И вроде бы пока все было ровно. Возле дома не крутились опера, никто не появился опросить жильцов о сыщице Матвеевой, неразумно сунувшей нос в серьезные дела.

Зураб был абсолютно уверен, что опознает оперов. Уловит их повадки, не пропустит.

Но к дому пришла девчонка. Вторая из частных ищеек детективного агентства. Исключительное зрение снайпера помогло Зурабу опознать девчонку даже с высоты.

Киллер выругался сквозь зубы.

Жесть! И неожиданность. Приманка с кокаином не сработала как нужно.

А должна была!

«Где же я прокололся? Что не учел?»

Наемник метнулся к компьютеру, вскрыл файл с записью последних разговоров Вероники, которые он писал через ее сотовый телефон. И держа планшет в руках, надев наушники и слушая, вернулся к подоконнику. Осторожно глянул вниз...

Вторая сыщица детективного агентства Евдокия Землероева шагала к третьему подъезду. Зураб досадливо скривился. Без устранения помехи «Вероника Матвеева» обойтись никак не получалось! Риск был оправданным. И горе-сыщицу киллер убрал – чисто. Абсолютно.

* * *

Заказ на устранение Михаила Вячеславовича Пухового признавали архисложным даже наниматели. Оплата шла по двойному тарифу, хотя Зураб и так всегда просил немало. Считался исполнителем экстра-класса и брался за работу предельной сложности с выездом в любую точку шарика. Мог «отработать» эскимоса ясным днем на ровном насте и не оставить следа.

Но устранение Миши Винни-Пуха выпадало даже из разряда трудновыполнимых.

Михаил Вячеславович гулял под топором уже лишние лет десять и сам прекрасно знал об этом. В начале нулевых свалил из Рашки в заграницы, где обретался – непонятно, хотя искали Мишу люди непростые, насквозь серьезные, местами при погонах.

Совсем недавно поступили сведения: Пуха таки выманили из норы. В середине декабря ему придется посетить Первопрестольную и подписать какие-то не терпящие отлагательства бумаги. Приедет Пуховой в Россию лишь на несколько часов – туда-обратно. Прибудет самолетом, поездом, машиной, по воде – опять-таки неясно. Специалиста по выпрыгиванию из тумана лучше Миши во всем мире не найти.

Известно только место: офисное здание неподалеку от трех вокзалов. Там Миша будет обязательно. В определенный день и час. Конкретно там и появляется возможность.

Подъехать вплотную к зданию, как бы ни старался водитель, не получится. Винни-Пуху придется топтать до дверей. У снайпера будет семь секунд на выстрел.

Случай – единичный. Валить Мишку Пуха при выходе из здания уже без надобности, поскольку заказчик выставил условие: Пух не должен войти в здание и подписать бумаги.

Так что... семь секунд. Один выстрел. Дальше его уже прикроют бодигарды. Машина будет бронированной.

И если трезво рассудить, семи секунд для экстра-снайпера достаточно.

Но было бы откуда выстрелить. Проблема была в отсутствии господствующей высоты и в том, что, разместись снайпер в автомобиле на парковке офиса, господина Пухового напрочь заслонит бронированный корпус машины и мельтешение охранников.

Стрелять можно только с высоты.

И на первый взгляд она – имелась. В трехстах метрах от офиса выстроили высокий дом элитной точечной застройки. Сейчас в нем велись внутренние отделочные работы. Работа кипела днем и ночью, гастарбайтеры по этажам шныряли, словно полчища мышей. Нарваться на таджика (узбека, молдаванина) проще легкого. Они народ горячий, шумный, их всех не передушишь, поскольку юркие и наловчились прятаться от ФМС.

Вплотную к офисной парковке, через забор и два газона, примыкал детский сад. Прогулочные площадки окружали невысокую плоскую коробку непосредственно садика.

Через детский сад, в плевых для снайпера пятистах метрах, стоял еще один дом – пятиэтажка-брежневка. С его крыши открывался превосходный обзор подъезда к офису, но было одно но. Углом к пятиэтажке, практически нависая над крышей, стоял тот самый дом элитный. Новостройка.

Залечь на крыше ясным днем, пусть даже в камуфляже, нечего и думать: на двух сторонах новостройки, что образовали выпятившийся угол, велось остекление лоджий. Новый и старый дома стояли так близко, что снайперу подумалось: «Заметят лежащего на заснеженной крыше человека, могут и ведром с мокрым цементом дошвырнуться. Точнехонько по маковке...»

Да даже ежели не дошвырнутся. А заметят только и голосить начнут: «Насяльника, насяльника, тама наша видит мужика с ружьем!!!» На вопли как таковые – наплевать. Рука не дрогнет, нервы железные, мандража Зураб никогда не испытывал. Но вот охрана у офиса не лыком шита, услышат, раскумекают... удирай потом под вой сирен. Несолоно хлебавши.

А Миша Пух в России больше не появится.

Так что... не вариант.

«А если все-таки подумать?.. Прийти на крышу затемно, подмести за собой следы, окопаться и лечь у бруствера крыши в хорошем теплом камуфляже?»

Нет. Не пройдет. Снегопада на нужный день не обещали, Пуховой прибудет ближе к полудню, снег начнет подтаивать, и вокруг лежащего тела появится четкий контур. Да и дыхание на морозе выдает. Клубится. До лоджий, где ведется остекление, не более сорока метров! Почти над головой нависает угол новостройки.

Придется много думать, за что, надо сказать, уже и деньги заплачены. Не хотелось бы, но, видимо, придется Молчуна привлечь.

Побродив вокруг брежневки и выяснив некоторые особенности дома, киллер принял решение. Зураб был одиночкой и не любил работать в паре. Но выбора не оставалось.

Молчуна Зураб заметил семь лет назад на стрелковом полигоне охотничьего клуба.

И сразу понял, что перед ним ТАЛАНТ засаживает пули в центр мишени. Таланту не мешал порывистый боковой ветер и бьющее под козырек кепки закатное солнце. Хмурый парень равномерно, одну за другой, отправлял свинцовые масляные исключительно в десятку.

И сразу видно – побывал. По возрасту не «за речкой», но пару чеченских нервотрепок наверняка застал.

Почему сей искрометный талант военачальники в утиль списали, Зураб, конечно же, догадывался, но, пролистав (за приличную мзду) дело отставного снайпера, нашел там лишь отписку «по состоянию здоровья».

На взгляд Зураба, состояние совершенно не коснулось головы таланта. Чего там усмотрели военврачи – одному Богу известно. Равнодушные к чужим жизням, по жизненному опыту Зураба, на качестве работы снайпера никак не сказывалось, а говорило лишь о профессиона-

лизме. Нюни распускают дилетанты. А пули из винтовки Молчуна ложились ровно и неукоснительно.

Довольно скоро Зурабу подвернулся заказ, который не исполнит одиночка. Киллер разыскал хмурого стрелка, предложил ему работу и совсем не удивился, услышав: «Да, согласен».

Еще через полтора года Зураб пропел осанну прежнему решению: Молчун не только спас ему жизнь, но и довел задачу до логического завершения, когда понял, что «первый номер» стрелять не может. Молчун отработал объект и увел за собой погоню по пескам азиатской пустыни.

Сценарий действий киллеры расписали, привязываясь к обстановке. Зурабу удалось главное: он снял двухкомнатную квартиру на четвертом этаже, окна которой выходили на противоположные стороны. Из кухни и гостиной открывался обзор на подступы к дому, во двор. Крохотная спальня выходила балконом на детский сад и сверкающее полированным тонированным стеклом офисное здание.

Хотелось бы, чтобы квартира была чуть выше, на пятом этаже. Но – не срослось. И повезло хоть в том, что хваставшаяся двухкомнатными угодами тетка успела доложить:

– Соседи наверху тихие. Полы под ними не скрипят, до ночи люди на работе. А вот сами-то они страдают, у них-то слышно, когда по крыше коты и голуби гуляют. Крыша старая, течет, скрипит, все обещают подновить да говорят – под снос пойдете скоро...

В связи с «котами-голубями» вовремя внесли корректировку: расхаживать по крыше, привязываясь к местности, возможно только днем и поздним утром, когда жильцы уходят на работу.

А в остальном план был вполне приемлемым. Немного навороченным и многоходовым, но, как известно, береженого бог бережет, неосторожного конвой стережет. В противовес: волков бояться – в лес не ходить.

Мишу Пуха должен был отработать «первый номер» Зураб. Молчун привлекался как фактор отвлечения.

Уйти из квартиры, откуда велся обстрел, довольно просто: пока охрана скумекает, откуда прилетело, да садик обогнет, стрелок исчезнет. И «пальцы», безусловно, можно подтереть. Хотя отмыть квартиру от биологических следов уже сложнее, где-то может остаться выпавший волосок, а по громким заказным убоям работают лучшие криминалисты – могут что-то выцепить даже в квартире, менявшей постояльцев чуть ли не каждую неделю.

А не хотелось бы.

Тем более что осторожный Пух уже однажды поменял день приезда в столицу. Отложил типа по болезни. За это время квартирка плотно обросла следами, а Зураба успели немного срисовать соседи.

И потому напарники постановили: от квартиры надо отвлекать внимание. Работать из нее, но оставлять следы снайперской лежки и другую винтовку на крыше брежневки. Пуля, убившая Пуха, будет разрывной, подточенной, когда криминалисты получают (предварительно свежайше отстреленную) винтовку с крыши, установить из какого оружия прилетела разорвавшаяся на части пуля, будет невозможно, и на квартиру в третьем подъезде не обратят пристального внимания. Работать будут по человеку с крыши и голову ломать: «И как сподобился убивец?! Проскочил пять этажей, взобрался на крышу, лег на изготовку, дыхание восстановил, провел отстрел – не охнул и не дрогнул! И все менее чем за полторы минуты?! Нереально!!»

Но следы укажут на обратное. Реально, господа, реально, простреленный факт на парковке лежит.

Зураб был полностью уверен, что Молчун, которому стрелять и не придется, уложится в рекордные секунды. Из квартиры, где обосновался киллер, виден небольшой участок про-

спекта, с которого к офису повернет бронированная машина Пуха. Номер и марку тачки обещали установить заказчики: сообщат за полчаса до прибытия объекта к месту.

Спасибо, что хоть в этом помогли. Поворот с проспекта хитрый: порой довольно долго приходится дожидаться зеленого света светофора, и, возможно, люфт будет увеличен до трех и даже четырех минут.

Молчун получит от «первого номера» команду «старт!». Войдет в подъезд, взлетит на пятый этаж, проберется в загодя открытый люк на крышу. Ляжет на изготовку. Прицелится.

После того как «первый номер» отработает объект, сбросит винтовку с крыши вниз в сугробы, чем окончательно избавит протертое спиртом оружие от биологических следов. Уйти вероятно даже пешком. От дома до проспекта, по которому ежесекундно шныряют маршрутки, ездят троллейбусы и автобусы, не более двухсот метров.

План был неплох. Возможно, следуя ему, Зураб мог справиться бы и один. Поставить Молчуна у проспекта, получить сигнал на старт и отработать. Но. Самонадеянных профессионалов губят досадные мелочи. Пух может сразу же не выйти из машины, заговорив, к примеру, по телефону, или останется в теплом салоне минут на десять. А снайпер в это время будет коченеть на крыше под обзором востроглазых гастеров. Те начнут орать, ведром бросаться... Нервы взвинчивать.

Короче, лучше подготовиться, не рисковать.

Даже если спустившегося с крыши Молчуна «примут», предъявить ему будет нечего. На его руках и одежде не останется следов сгоревшего пороха. Нашел человек винтовку, поднялся на крышу, через оптику любовался на пейзажи... Винтовку сбросил, вниз спустился. Не стрелял. Знать ничего не знает.

Так что, если кипиш и возникнет, Зураб успеет вовремя исчезнуть. Засветится, конечно, составят по воспоминаниям соседей его невнятный фоторобот с неопрятной бородкой в проплешинах и усами, может, и какой-то волосок подберут в квартире, но там их будет множество. Обросла съемная квартирочка ворсинками и волосинками от многих квартирантов.

А по большому счету, все должно срастись. Молчун пойдет на крышу через второй подъезд и даже если встретит на лестнице кого-то из жильцов, то разберется со свидетелем легко. Решит по обстоятельствам: опасен человек или можно пройти мимо и оставлять его в живых.

Досадные неприятности начались в день, когда Пуховой отложил твердо оговоренный приезд. Но об отсрочке киллеры узнали слишком поздно: Зураб уже проявил активность и засветился.

Гадости тогда нагрянули с утра. С момента, когда неугомонные родители детсадовцев повесили огромное полотнище растяжки над прогулочными площадками. Предки начинали готовиться к встрече Нового года и авансом поздравляли любимых спиногрызов с праздником.

Чтоб они все свинкой заболели!! Спиногрызы эти вместе с предками.

Зураб тогда прищурился на парковку через садик... и по его прикидкам получилось: улыбающийся красномордый Дед Мороз вполне мог заслонить от «второго номера» сектор обстрела. По милости чадолюбивых родичей ложный след плавно накрывался медным тазом, а точнее – транспарантом.

Деньги им, что ли, девать некуда?! Ур-роды, твою мать, столичные!

Но киллеров порадовала погода. С полуночи на Москву обрушился снегопад, и Зураб решил, что под прикрытием метели, пока совсем не рассвело, есть возможность проскользнуть на крышу. Проверить сектор и, в зависимости от обстоятельств, решать вопрос кардинально: требуется ли пробираться на территорию детсада и сдирать огромную «открытку» со столбов?

Киллер уже стоял в прихожей, прислушиваясь, натягивая перчатки. За дверью, по лестничной площадке прошаркали чьи-то подошвы... И сразу же над ухом ожил громобойный звонок! Кто-то нагрянул в гости к киллеру.

Зураб замер. Вжался в стену, чтобы не мелькнуть тенью перед дверным глазком.

Когда шаги прошаркали в другую сторону и послышался звонок от квартиры соседей напротив, осторожно подкрался к крохотной стеклянной дырочке. Посмотрел в глазок...

Спиной к Зурабу стояла девушка в раскисших углах и длинной голубой куртке с капюшоном, отороченным подмокшим лисьим мехом. Девица дожидалась, пока соседи дверь откроют.

«Тварь любопытная! – подумал разозленный киллер. – И что все шляется?!»

Эту девушку Зураб уже встречал вчера. Причем получилось крайне неудобно: дверь он девчонке также не открыл, но, когда вышел на лестничную площадку, собираясь в магазин наведаться, столкнулся. Девчонка неожиданно выпорхнула из квартиры ниже этажом и заметила спускавшегося мужчину – подниматься наверх было уже поздно, Зураб продолжил движение, – и, окатив киллера удивленным взглядом, произнесла:

– Здравствуйте. А вы из какой квартиры?

– Из сорок девятой, – буркнул он и натянул поглубже на голову капюшон пуховика.

– Ну надо же... а я к вам только что звонила... – все больше удивляясь, протянула девушка.

– Я в душе был. Не слышал.

– Тогда ответьте на один вопрос! – воодушевилась незнакомка.

– Мне некогда, опаздываю на работу.

Зураб обогнул девушку, быстро перебирая ногами, заспешил на выход...

– А я вас провожу! – не отвязалась назойливая дура. – Поговорим по дороге! – Семеня вслед за мужчиной, девчонка тараторила: – Вы слышали, что пять дней назад в вашем подъезде погиб мужчина?!

У Зураба моментально напряглась спина. «Неужто девка – мент?! Черт побери...» Квартирная хозяйка ничего не рассказала о происшествии. Но, впрочем, ясно, почему не рассказала: подъезды, где находят мертвяков, не пользуются спросом.

– Посмотрите, пожалуйста, на эти фотографии! – не отступала ищейка. – Может быть, вы видели кого-то из...

– Я въехал три дня назад, – не оборачиваясь, отрубил Зураб. – Ничем помочь вам не могу, простите... Я тороплюсь.

Но девушка все-таки догнала и засунула в карман мужского пуховика визитку.

– Возьмите! Если что-то услышите, узнаете, позвоните, пожалуйста!

Уже на улице Зураб достал визитку и узнал, что девка, слава тебе господи, не мент. Всего-то лишь ищейка частная – Вероника Матвеева.

Сегодня Матвеева пришла ни свет ни заря поговорить с соседями, вчера ушедшими на работу. Стояла на площадке и обзванивала двери.

Мягко двигаясь, не скрипнув половицами, Зураб отошел от двери и тоскливо глянул в кухонное окно. Метель метет как заведенная, но скоро рассветет... Проверить сектор, условно, дело нескольких секунд, это, кстати, возможно проверить и под взглядами стекольщиков. А через полчаса пороша заметет следы на крыше.

Но не хотелось бы. Хотелось бы пройти по темноте.

Зураб вновь подошел к двери и глянул в глазок: ищейки на площадке уже не было. Киллер осторожно приоткрыл дверь... прислушался... Снизу раздавались шаги, протопавшие до первого этажа. Потом тихонько пискнула кнопочка электронного замка подъездной двери. Все стихло.

Зураб стремительно вышел из квартиры. Взлетел на верхнюю площадку, взобрался по железной лестнице до люка на крышу и снял с петель лишь зафиксированную в пазах дужку навесного замка.

...Транспарант сектор не перекрывал. Обвис краями буквально в полуметре от линии огня.

Достаточно.

Зураб вернулся к люку, легко и пружинисто спрыгнул вниз на площадку...

Уже прыгая, увидел, что сквозь перила лестничного пролета на него глазеет сыщица Матвеева.

Черт, черт, черт!!! Девчонка не ушла! Снизу раздавались еще чьи-то шаги, а сыщицу неслышно – без расспросов – пропустили в квартиру напротив, из которой она, судя по всему, только что и вышла!

А это попадос, сразу понял киллер. Только бы не заорала! Не начала громко задавать вопросы перед дверью, от которой еще толком не отошел опрошенный хозяин!

Безмятежно улыбаясь глазеющей девушке, Зураб быстро спускался на свой этаж. При этом говорил:

– Соседи жаловались, что на крыше скопилось много снега. Надо раскидать... Не то весной потонем все, протечет до первого этажа. – Болтая, улыбаясь, киллер приближался к Веронике. – Вы дворника во дворе не видели? Хочу лопату одолжить...

Зураб решал: убивать Матвееву в подъезде или дать уйти? Рассудок говорил: «Опасно. Девку может кто-то ждать на улице, не выйдет вовремя, напарник отправится на розыски – в третьем подъезде, где недавно погиб мужчина, теперь девушка пропала. Не исключено, менты сюда нагрянут, а через них Молчун уже не просочится...» Натянутые нервы уговаривали: «Вали ее, вали!!! Затаскивай в квартиру уже мертвой!»

Спокойно. Стоп.

На улице Молчун. Он примет девку и проводит. Походя прижметесь и ткнет шилом, которое всегда в кармане носит. А время еще есть. Встреча Пухового с людьми в офисе назначена на полдень.

Но что делать, если девка не выйдет на улицу, а продолжит опрос соседей и кому-нибудь сболтнет, что видела, как мужик из сорок девятой квартиры спускался с крыши?!

Операция на грани провала, понял киллер. Возможно, девку придется все-таки валить прямо на площадке и затаскивать в квартиру.

А к экстренной эвакуации из квартиры Зураб еще не был готов на сто процентов. Вся операция построена на том, что Молчун проложит ложный след. «Первый номер» собирался съехать послезавтра, не привлекая внимания к квартире на четвертом этаже. Уже заранее предупредил хозяйку.

...Девчонка смотрела настороженно. Убийца остановился на последней ступеньке перед площадкой.

– Вы Вероника, да? – Наемник лучезарно оскалится. – Я вчера встретил парня из квартиры сверху, так тот сказал, будто вспомнил одного из тех мужиков, что вы на фотографиях показывали.

– Да неужели?! – мгновенно обрадовалась сбитая с толку (настороженности) девушка. – А почему он мне не позвонил?!

– Визитку куда-то засунул и не может ее найти.

– Ой-ей-ей... А что же делать? Он сейчас дома?!

– Увы, – развел руками киллер, – придет только завтра днем из командировки. Вы завтра вечером приходите. Кстати, много еще квартир для опросов осталось?

– Да нет, – огорченно скуксилась ищейка. – Вот эта, напротив вашей, последняя был.

– Ну ничего. Приедете завтра, надеюсь, вас порадуют. – Зураб повернулся к своей квартирной двери. – Ах да, – вновь поглядел на сыщицу. – Вы на машине приехали? Как там обстановка, снег хоть немного уже расчистили или улицы – стоят?

– Советую воспользоваться метро, – хмыкнула ищейка. – Я еле-еле через сугробы сюда прошла.

«Применила единичное число, значит, на улице никто не ждет», – подумал киллер и вслух сказал:

– Всего хорошего. Если завтра не придете, у меня есть ваша визитка, я передам ее соседу. Он позвонит, и вы договоритесь о встрече более конкретно...

Убалтывая девушку, убивая в ней расследовательский пыл – выдавливая из подъезда, убийца неловко ковырялся в замке квартиры и бормотал: «Надо бы валенки надеть да рукавицы потеплее».

Ищейка постояла за его спиной и начала медленно спускаться вниз.

Зураб вошел в прихожую. На секунду прислонился спиной к двери...

Девку надо убирать. Максимально быстро! Не считая подслеповатой и пожилой квартирной хозяйки, лишь она имела возможность хорошо разглядеть жильца из сорок девятой квартиры. А уже сегодня днем по дому начнут шнырять настоящие ищейки. Будут проводить поквартирный опрос жильцов дома, с крыши которого завалили Мишу Пуха. Девчонка услышит сообщение о громком убийстве возле интересного ей дома и обязательно вспомнит о мужчине, что спускался с крыши.

Эх, таки надо было валить ее в подъезде и сниматься после исполнения вслед за Молчуном!

Но как?! Оставлять на хате отстреленный ствол?!

Жесть. Нельзя. Зураба видели соседи, хоть и плохо, но запомнили...

«Перемудрили мы, перемудрили...»

С камерой над вторым подъездом Молчун поработал еще вчера, указкой ослепил. Камера над третьим подъездом, как доказательный фактор явной непреднамеренности, оставалась в порядке. И выходить под ее объективом, придерживая «удочки» в чехле, уже никак нельзя. А посему уходить придется, оставив «горячую» винтовку в хате.

Размышляя над проблемой, Зураб нашаривал в кармане куртки один из телефонов – для связи с Молчуном. Собрался отдавать приказ: «Прими девчонку в голубой куртке. Проводи. Оформи обязательно, она меня срисовала».

Но в левом кармане неожиданно пискнул другой телефон с единственным забитым номером – прямым контактом с заказчиком, поскольку с диспетчерами киллер не работал. Не создавал лишних звеньев, так как считал: полностью уверенным можно быть только в себе. Да еще в Молчуне. Наверное.

На контактный телефон пришло сообщение: «Дядя не приехал. Операция отложена, но обязательно состоится в пятницу».

– Мать твою! – вслух выругался киллер.

Зураб даже не понял: с облегчением он выругался или злобно? С одной стороны, слава богу, что не завалил девчонку, а дал ей уйти. Квартира еще понадобится, и появляется возможность подготовиться, убрать ищейку не привлекая внимания к дому.

С другой стороны... Сколько еще придется ждать?! Хитрожопый Миша может до следующего года волынку протянуть, а тут уж лучше – пуф! – и нет головняка.

Но девку надо убирать, она становится первоочередной задачей.

Зураб подошел к кухонному окну, прижал к уху телефон с набранным номером Молчуна.

На подъездной дорожке показалась голубая макушка с лисьей оторочкой. Напарник отозвался, и «первый номер» с ним заговорил:

– На сегодня – отбой. «Мишка косолапый» в фантике остался. Девчонку в голубой куртке видишь?.. Падай ей на хвост. Девка видела, как я спускался с крыши.

– Оформить? – многозначительно предложил «второй».

– Нет. Подождем. У меня есть ее телефонный номер. Я сейчас забью в него программу мониторинга, буду вести дистанционно.

– Прослушку подключи.

– Кого ты учишь, фуфел? Ты, главное, не засветись, хватит и того, что она мою рожу срисовала. Девочка – ищейка.

– Принято. Отбой.

Поглядывая за тем, как вслед за ярко-голубой курткой потащилась почти невидимая, сливающаяся с метелью фигура Молчуна в светло-сером костюме лыжника, Зураб уже работал над программой слежения. Опытно брал сыщицу под наблюдение через мобильный телефон.

И сделал это очень вовремя. Буквально сразу отзвонился разъяренный «второй номер»:

– Черт, «первый»! Девка в забитую маршрутку втиснулась и уехала! Меня водила обматерил и заставил спрыгнуть! Я ее упустил!

– Не переживай. Я вижу, где она едет. Возвращайся к машине, я тебя поведу.

Пока Молчун бежал через сугробы к тачке, Зураб сноровисто забил в сотовый телефон ищейки второго «червя». Вскрыл данные и наладил телефон на работу в режиме микрофона. Прочел последние сообщения, поступившие на мобильник Вероники, и тут же позвонил напарнику:

– Не кипишишь. У девочки сегодня встреча в клубе «Герда». Судя по сообщениям, она там чуть ли не каждый вечер трется. Так что я сейчас метнусь туда, погляжу на обстановку, прикинусь, вечером – работаем.

Молчун разродился нетипично длинной для него тирадой:

– А если она сболтнет кому-то, что видела, как ты с чердака спускался?!

– Наверяд ли. Повода не будет. Я для нее прежде всего человек, пообещавший связать со свидетелем. Детка от радости едва не обмочилась. – Зураб быстро рассказал, как складывался разговор в подъезде. – А если и сболтнет – услышу. Тогда уже и будем решать по мере поступления.

– Рискуешь, «первый», ох рискуешь...

– А я шампанское люблю. Чем дальше девочка уедет от этого дома, тем меньше нам мороки. Усек?

Разговаривая с Молчуном, Зураб уже практически составил план мероприятий. В «Герду» поехал лишь для того, чтобы ясным днем без вспышек светомузыки установить расположение камер наблюдения. А позже, уяснив вечером уже расположение объекта устранения, прибегнуть к услугам абсолютной фотографической памяти профессионального убийцы.

В «Герде» сработали чисто. Молчун мог свободно перед девочкой мелькать. Пока он друзей Матвеевой у танцпола фиксировал, Зураб подошел к ней сзади, немного наклонился... Вогнал по рукоятку шило в тело. Подсунул в безвольные пальцы пакетик с кокаином, сжал кулак как следует, дабы пакет не выпал.

Ушли. Хотя на подиуме сверкали задницами в стрингах отчаянные Снегурки.

Теперь, скрупулезно прослушивая разговоры Вероники, записанные через ее телефон, Зураб подумывал: «Где прокололись? В «Герде» или эта Евдокия Землероева решила поработать и вскопать здесь территорию повторно?»

Досадно. Встречаться с этой сыщицей киллеру не хотелось совершенно. Вчера днем он немного полазал по Интернету и вытащил из Сети все, что говорилось о детективном агентстве и его работниках. Но прежде всего заточился на отставном менте Олеге Паршине. Усердно пробивал начальника-мужчину.

А нужно было двадцатилетней девочкой как следует интересоваться! Зураб вогнал в поисковик данные персоны, наткнувшись на упоминание о Землероевой в одном из весьма своеобразных чатов, где продвинутые урки общались, задал «своеобразным» людям адресный вопрос: «А кто такая эта Дуся?»

Ответ прочел, когда уже из «Герды» возвратился. И результат был крайне неожиданным. Зурабу ответил юный урка из Н-ска и такого порассказал-понаписал о Дусе, что «первый» решил: «Враки. Брешет малолетка. Быть того не может».

Полночи просидел за пробивкой информации... Вторую часть ночи долго-долго думал.

Девочка-ищейка, работавшая напарницей отставного мента, непозволительно близко контактила с ворами. Один из них – смотрящий Н-ска.

Бывает эдакое?

Нет. Девочки ее возраста воров в законе только по телевизору видят. И те – либо в наручниках, либо актеры сериалов.

Детка едва перешагнула четвертной, работает ищейкой, кому из авторитетных воров она на хрен сдалась?!

А вот сдалась. Некоторую инфу от энского урки проверить невозможно, но мелькнуло имя столичного криминального воротилы Александра Сергеевича Миронова, дочка которого в Сети общалась.

Зураб подкрался к этой дочке с комплиментами и лайками, спросил о Евдокии...

И все срослось, все в масть пошло! Детка Дуся реально получила от урок прозвище Волчица. А такое погоняло дается лишь по праву. Поскольку сама Евдокия Землероева славным прозвищем не козыряла, ни разу о нем в сетевом общении не упомянула, не похвасталась.

Занятная персона, однако, выплывает.

Как оказалось, под окном.

И посему, в связи с открывшимися сведениями, Зураб детально прослушал разговоры Вероники конкретно с Евдокией. Намекнула хотя бы мельком покойница о встрече в подъезде? Дала наводку на мужчину, спустившегося с крыши?

Нет.

Но раз Волчица уже здесь, а менты еще не прибыли, значит, Волчица им не стукнула, не навела, пошла сама работать. Без скидок на законность вгрызлась цепкими-то зубками.

Ну что же... Вольному, как говорится, воля. Бабу, сунувшуюся в мужские дела не по рангу, стоит проучить.

Миша Пух пока не объявился, есть время поразвлечься. Задать Волчице жару, шелковую шкуру подпалить.

А заодно свои дела поправить. Что совсем немаловажно.

Евдокия

Квартирная хозяйка Ивановна оказалась довольно моложавой теткой с конопатым непроницаемым лицом инспектора отдела кадров режимного завода. Взгляд тетки излучал рентгены. Говорила Ивановна скупно и неэмоционально, порядок отношений устанавливала сразу: утром деньги, вечером стулья. С вопросами к жилищке не приставала, поскольку ко всему была приучена: встречаются жильцы, которых лучше лишний раз не спрашивать. Но разглядывала так, что становилось неуютно.

А сыщица рассчитывала на контакт. На разговор. И суматошно решала вопрос: «На чем же тебя, дорогуша, взять? Чем подцепить...» Осмотр помещения затягивала и никак не могла выбрать верную манеру поведения, не знала, кем прикинуться: простушкой или ретивой девочкой? Какая из личин подмажет разговор?!

Так и не найдя ответа, Землероева прохаживалась по квартире, открывала краны, проверяла, работает ли холодильник, телевизор...

– Чистое белье в комоде, – скупно доложила тетка.

– Да я, по сути, и ночевать-то здесь не буду, – как будто думая о чем-то своем, пробормотала Евдокия. Повернулась к хозяйке и отметила, что у той немного брови вверх пошли. Кажется, получилось-таки слабенько заинтриговать «рентген». Дуся подняла вверх расправленные ладони, потрясла пальцами и сказала: – Не, не! Вы не думайте, Мария Ивановна, я заплачу сполна! Деньги не проблема. Просто... – девушка наморщила нос, – у Пусика своя квартира есть... но мне бы не хотелось с первых дней приезда быть навязчивой.

Евдокия шлепнулась на вполне приличный плюшевый диван, подняла параллельно полу вытянутые ноги, как бы демонстрируя длину и стройность. Улыбнулась строгому «инспектору»:

– Пусть знает, что мы девушки гордые и независимые. Коли что не так – уходим в собственную норку. Так? Мужики лихих наездов не выносят, да?

– Вам виднее, – поджала губы тетя.

– А хотите, я вам Пусю покажу?! – Заговорщицки подаваясь вперед, Землероева вытянула уже шею. И пока тетка не пошла в отказ, подскочила к ней, нашла в телефоне фотографию Паршина и сунула под нос: – Что думаете, а? Вы, сразу видно, женщина умная, людей насквозь сечете.

Первоначально отпрянувшая от напора Мария Ивановна на комплимент попалась. Прищурилась на фотографию. И вынесла вердикт:

– На мента похож.

– Да ладно! – «Простодушная» жилищка развернула телефон к себе и как будто заново присмотрелась к милому. (Паршин на том снимке получился добрым-добрым, серьезно пьяным и веселым, так как на дне рождения Ханькина немало приняла.) – Вообще-то он у меня директор мебельного магазина... – произнесла задумчиво.

– А начинал не с грузчиков? – хмыкнула подобрешая Ивановна.

– Ага. А как вы догадались? – Землероева распахнула во всю бездонную ширь зеленые глазищи и восхищенно покачала головой. – Ну вы даете, Марь Иванна! Все в точку. Был Пуся грузчиком! Вначале в продуктовом, потом в мебельном, потом...

Ни для кого не является секретом старый опробованный финт: дай в человеке блеснуть неординарной личности, и он твой – навеки. Поскольку всякий убежден: есть в нем талант, который не каждый видит.

Радиоактивная тетка моментально превратилась из железобетонного в свинцовой оболочке реактора в плавленный сырок «Виола». Хоть мажь ее на хлеб и угощайся.

Советы начала давать, мол, знаем этих бывших грузчиков. Видали.

Евдокия истово тарачилась. Губами восхищенно шлепала. Контакт стремительно налаживался в нужном русле.

Когда над головами шушукующихся уже за чаем дам раздался скрип половиц из верхней квартиры, Ивановна досадливо поморщилась:

– Да уж... слышимость тут у нас...

– И пес с ней! Со слышимостью. – Землероева беспечно отмахнулась. – Я же сказала: жить здесь не буду, хату для отвода глаз сняла, чтоб Пуся не зазнался.

– Молодец, – облегченно одобрила тетя.

Евдокия горделиво распрямила спину.

– Я не содержанка, Мария Ивановна. На свои живу. Дома в Выборге, – понимая, что опытная квартирная хозяйка моментально отметит отсутствие у приезжей всяческого говорка, Дуся выбрала для легенды культурный город Выборг, – я работала секретарем в адвокатской конторе. Заработала. Могу потратить.

Над головой в обратном порядке – от подоконника к коридору – проскрипели чьи-то шаги, и Евдокия, протапывая прежнее благодатное русло, вновь округлила глаза:

– Мария Ивановна...

– Можешь «тетя Маша», – объявила размягченная тетушка.

– Теть Маш, – тут же сократила дистанцию Дуся, – а вот скажите. Когда ваши соседи жильцов пускают, не просят вас на них взглянуть? Вы же людей – насквозь! Никакого участкового не надо!

– Бывает, бывает, – поглаживая рукой в конопушках белую столешницу, слегка лукаво сконфузилась «рентген». – Если кто-то летом на дачи отъезжает, то ключи оставляет только мне. Все знают, что я не промахнусь, не прогляжу.

– Да-а-а, – уважительно протянула Евдокия. – У вас талант. Вам бы в сыщики податься.

– Да ну их, – пренебрежительно отмахнулась тетя Маша. – Бегала тут одна, приставала ко всем. А как с людьми поладить... – Ивановна вновь произвела презрительную отмашку. – Бестолочь, липучка.

– А чего она здесь бегала? – отхлебывая чаю и поглядывая над ободком чашки на хозяйку, безмятежно поинтересовалась Дуся.

– Да так, – смутилась тетушка. И немного привстала с табурета.

– Ну, тетя Маш, ну пожалуйста! – вцепилась в ее руку жиличка. – Не уходите! Я ж здесь со скуки сдохну! А вы такая приятная женщина! С вами так интересно, так познавательно...

«Приятная женщина» вернула зад на стул.

– Ладно. Слушай. Жил тут у нас один алкаш. Молодой совсем, чуть-чуть тебя постарше...

Покойный Кирия Воронцов был младше Евдокии на полгода. Но это – частности.

Минут через двадцать раскрасневшаяся Землероева осыпала тетю Машу уже комплиментами другого свойства:

– Вам надо детективы писать! Вы рассказываете так захватывающе-е-е!

Увлечшись сплетнями, подпитываемая искреннейшим интересом слушательницы, Мария Ивановна навалила Дусе такую кучу информации, что не нарвать отделу сыщиков из МУРа.

Простились уже ближе к вечеру. Взаимно удовлетворенные. Скучающая молодая пенсионерка тетя Маша нашла свежие и неиспорченные уши, Евдокия, не оторвав задницы от табурета и не притопывая на морозе ножками перед скамейкой с непростыми столичными бабушками, вспахала двухнедельный пласт-объем работы.

Вечером этого же дня, уже довольно информированная тетей Машей, Землероева маленько походила по подъезду, разыскивая соль и спички.

В двухкомнатной квартире над ее головой поселился сутулый блеклый мужичок неопределенного возраста. В зеркально подобной квартире напротив него жил лихой кавказец,

пытавший навязаться с шампанским-коньяком-цветами-рестораном. На пятом этаже проживала молодая парочка трудолюбивых «интернетных мышей», едва дождавшихся возможности прийти с работы от компьютеров и юркнуть туда же, но уже в Сеть. На просьбу Дуси мужмышь невнимательно сунул ей в руку пачку соли и пошел к какой-то стрелялке, чудом не забыв захлопнуть дверь. Пять квартир занимали приезжие с детьми. В десяти жили ответственные квартиросъемщики. Но это уже был умозрительный список, составленный со слов Марии Ивановны. Ее чутью и острому взгляду можно было доверять, к аттестации «приличные люди» Землероева отнеслась с понятием и в означенные пятнадцать квартир не полезла.

Ночевать уехала к себе. Правда, чуть не пожалела, так как едва откопала машину, приткнутую к мусорным бачкам.

Но скоро снегопад закончился.

* * *

На следующее утро Евдокия вернулась в брежневку с посвежевшей за ночь головой и уселась составлять уже рукотворный список. Сверяясь с исчирканным вчера блокнотом, подбила итоги. Наметила мероприятия. Понять пыталась: могла ли Вероника кого-то здесь расспросами встревожить? Кто из жильцов или нанимателей имеет второе дно, у кого зрачок дернулся, когда в дверь позвонила другая назойливая девушка... Можно ли привязать убийство Моти к брежневке у трех вокзалов?!

День и вечер прошли практически впустую. Евдокия дежурила в подъезде, изображая случайные встречи, клеилась к жильцам... От нее, пожалуй, уже несколько шарахались. Но этой реакции сыщица, по сути дела, добивалась. Ждала – кто дрогнет, кто проявится?!

Пока народ держался ровно. Но лиха беда начало. Квартиру Дуся сняла на две недели! А уже успела заслужить славу неистово прилипчивой болтушки, не способной и дня прожить без человеческого общества.

Бедные соседи. Подобные назойливые типажи у всех встречаются.

В половине девятого, когда Евдокия уже собиралась покинуть пятиэтажку, ей позвонила Аня, дочь Александра Сергеевича Миронова.

С Анной Мироновой Евдокия не то чтобы дружила – встречались, перезванивались, порой обедали в кафе. Дочь авторитетного (во многих смыслах) человека тянулась к сыщице. Уважала ее работу, если в жизни возникала непонятка личного свойства, просила о совете. И хотя разница в годах была малосущественной, смотрела на Евдокию снизу вверх. На то была серьезная причина: Дуся доказала профпригодность к сыщицкому промыслу, когда-то она спасла жизнь Ани.

Короче, появилась у дочери Миронова проблема, дочь к авторитетному папаше не побежала, а позвонила Евдокии:

– Дусь, я хочу тебя о помощи просить. У меня подруга пропала.

– Когда? – устало потерев натруженный лоб, поинтересовалась сыщица.

– Сегодня. Вышла днем из дома, до репетиционного зала не доехала, на звонки не отвечает. А Света у нас, Дуся, прима. Никто не верит, что она могла так коллектив подставить!

Анна танцевала в профессиональной группе, сейчас, как понимала Дуся, у шоу-бизнеса горячая предновогодняя пора, пропажа примы – происшествие подлейшее. Бьет по нервам и по кошельку.

Но Анна прежде всего говорит: «Подруга пропала». Значит, дело еще и близко-личное.

– В бюро регистрации несчастных случаев звонили? Внешность, одежду Светы описали?

– Да. Никаких известий.

– Уже радуется, – пробормотала Дуся. – У нее приятель есть?

– Приятель с нами работает! Сам на взводе, ничего не понимает!
– Ясно. Родители, родня, друзья...
– Всех обзвонили. Не тревожили только родителей. Света из Муррома, предки там с ума сойдут, а она потом найдется... Связались только с младшим братом.

– Это правильно.
– Ты нам поможешь?!
– Да. Завтра с утра подъеду. Куда?
– С утра, с утра... – забормотала Аня. – У нас сегодня два корпоратива... все рухнет спать без задних ног... Давай в полдень созвонимся, ладно? Ты же захочешь с ребятами поговорить, а если те хоть немного не поспят, толку от них – ноль.

– Океюшки. Вопрос вдогонку. Света чем-нибудь «балуется»?
– Нет, ты что! Она же профессионал, спортсменка.
– И это радует. Будь на созвоне, если Светочка объявится, скинь эсэмэску. Я тоже выспаться хочу, устала как последний бобик.

– Я поняла. Спасибо, Дуся! Я знала, что ты не откажешь.
– Да был бы толк...

Евдокия попрощалась. Чуть живая добралась до дивно свободного от снега «рено». Дома, едва ополоснувшись, рухнула спать. Всю ночь бродила во сне по нереально изогнутым и перепутанным лестницам: пролеты, этажи, чужие лица, кнопки звонков... На стенах надписи – поганые либо признательные. Нарисованные морды с рожками и пяточками. Кошачья лужица.

Подмоченные сны профессионального пахаря сыска. Совсем не девичьи.
Уж лучше бы Крученный объявился... Да руку к щечке протянул.

Утром, когда Евдокия уже подъезжала к брежневке, на телефоне появился вызов от Олега. В ответ на Дусино «алло, привет», шеф скупко поздоровался и тоном сурового начальника произнес:

– Сегодня в двенадцать ты нужна мне в офисе.
– Паршин, – паркуясь напрямую у подъезда, вякнула напарница, – вообще-то у меня свои планы были.

– Сегодня лучше их оставить. Придешь, не пожалеешь. Обещаю.

Уловив в голосе Олега странные нотки – толика энтузиазма, толика несомненной озадаченности, Евдокия уточнила:

– Клиент подъедет?
– Угу. Еще какой.
– В смысле чего «еще какой»? Бабки или интересная работа?
– Все вместе и в больших количествах.
– Да ну?... Все вместе – редкость. Ты не перебарщиваешь?
– Чтоб я умер не напившись в сраном памперсе!
– Солидное проклятие. Приеду.

То, что шеф не поинтересовался, как у напарницы продвигается кровное расследование, уже интриговало. Клятва с привлечением подгузника совсем из ряда вон.

Прикинув расстояние и пробки, не выходя из машины, Евдокия развернулась в сторону проспекта. Если в ее пробежках вверх-вниз по лестницам пятиэтажки появится пауза, ничего страшного не произойдет.

Паршин заинтриговал невероятно!

Как оказалось – было чем.

Пока Евдокия заряжала кофемашину, патрон вводил ее в курс дела:

– Ты помнишь о прошлогоднем убийстве Шляхтича?

– Угу. Первая полусотня «Форбс». Солидный дядя с мутным прошлым. Грохнули на выходе из ресторана из припаркованной машины. Убийцу, разумеется, не установили... – Паршин победно смотрел на Евдокию, девушка недоверчиво отмахнулась: – Да ладно... Ты что хочешь сказать: к нам кто-то по убийству Шляхтича обратился?!

– В точку! – Олег недоуменно почесал переносицу. Но видно было – бывший опер воодушевлен. Давно двум сыщикам не поступали предложения не в замочные скважины подглядывать, а появилось дело. Всамделишное, громкое.

– Олег... – с сомнением в голосе протянула Евдокия, – не наш уровень. Мы не Пинкертони. Мы вообще не имеем права по убоям работать...

Паршин поднял руку.

– Подожди, послушай. Когда я пришел в офис, на нашем сайте уже висела просьба о видеозвонке по скайпу от госпожи Шляхтич. Я сразу же перезвонил, поговорил с дамочкой... Маленько обалдел, как понимаешь. Камилла – тетке хорошо за сорок, но она попросила обходиться без отчества, – нас нанимает. Нанимает, понимаешь, Дуся! Бюджет – не ограничен. Ее интересует только результат.

– Какой?! По убийству ее отца лучшие ребята из ФСБ и МУРа работали!!

– И что? – Паршин самодовольно откинулся на спинку вертлявого кресла. – Нашли чего?

– Олег, я тебя не узнаю, – разглядывая пылающего энтузиазмом шефа, проговорила Дуся. – Не наш уровень! Взгляни правде в глаза! Откуда она вообще о нас узнала, почему нас выбрала?!

– Какой-то из прежних клиентов посоветовал.

Евдокия уместилась в кресло напротив, сгорбилась.

– Какой? Кто конкретно ей нас посоветовал?

– Самое интересное, – прищурившись, ухмыльнулся Паршин, – ей посоветовали – тебя. Как обязательное условие качественной работы.

Последние слова патрона окончательно разбалансировали Дусин мозг. Громкое нераскрытое убийство, семейство Шляхтич, «Форбс»...

Каким тут боком Евдокия Землероева?!

– Олег, ты правильно понял? Может быть, это шутка? Дружеский розыгрыш?

Паршин глянул на наручные часы и лишь тогда ответил:

– Через сорок минут сама узнаешь – шутка, не шутка, розыгрыш или истинная правда. Но я, – бывший опер хмыкнул, – ревную тебя к славе. Так что прошу не зазнаваться. Я – шеф, и зверски строгий. Давай-ка, пока есть время, полазаем в Инете, нароем что возможно по прошлогоднему отстрелу.

Евдокия развернула стул к компьютеру и заполошно подумала: «Господи, ну почему я сегодня серый костюм не надела?! Сижу тут, понимаешь ли, вся «брежневская» в джинсовых портках!! А счас мадам придут-с!»

Мадам Шляхтич прибыла с точностью японской электрички – ровно в полдень под удар секундной стрелки по цифре двенадцать открыла дверь. Сама. Хотя даме в норковом палантине, угольно-черном с белой оторочкой kostюме «Шанель» и шляпке при вуали швейцар был просто-таки необходим!

– Добрый день. Я Камилла Шляхтич. У вас здесь курят?

Начало впечатлило. «Вам можно все, везде!» – могла б ответить Дуся, но лишь достала пепельницу, пока Паршин (скрытно) таранился на тощие ноги в шикарных шелковых чулках. Мадам пришла не в зимних сапогах, а в туфельках на шпильке.

Камилла понимала, что ноги хороши. Усевшись в кожаное посетительское кресло, юбку не одернула, позволила Паршину полюбоваться. Ее темно-карие глаза в подводках стиля «вамп» исследовали Дусю.

Шляхтич воткнула в алые губы длинный коричневый мундштук, подпалила коричневую сигаретку и вместе с дымом выпустила:

– Ну? Мне кажется, суть моего приезда вам более или менее понятна. Так?

Паршин важно откинулся на спинку кресла. Покрутил внутри сомкнутых на животе ладоней большие пальцы и кивнул:

– Более или менее.

– Поговорим детально? – Приподнятые брови Камиллы нырнули под вуаль, свисающую надо лбом. Вопрос подразумевал: вы принимаете мое предложение? Или можно сразу уезжать и не трести языком понапрасну?

– Поговорим, – сказал Олег. – Но вначале просим вас ответить: кто посоветовал вам выбрать наше агентство?

– Не знаю, – повела плечом Камилла. И, предупреждая недоумение сыщиков, повторила: – Не знаю, честно. Я не люблю тусовку, не выношу шумное общество, но много общаюсь в Сети...

Камилла рассказала, что вчера по Интернету ей пришла информация об убийстве отца. Человек, ее приславший, поделился некоторыми подробностями жизни Эдуарда Романовича. Причем такими, что не освещались СМИ, а были известны только ограниченному кругу приближенных. Добавил информатор и кое-что по существу дела: указал на недочеты следствия, прошелся по подробностям убийства, также не освещаемым средствами массовой информации. То есть доказал: он не шутник, не вымогатель, а человек причастный, требующий к словам самого серьезного внимания.

– Я думала всю ночь. Дала службе безопасности задание узнать о вас как можно больше...

– Вы так и не сказали, почему информатор посоветовал обратиться конкретно к нам? – перебивая, напомнил Паршин.

– Ах да... Информатор предупредил меня, что в правоохранительные органы обращаться бесполезно. По уверениям этого господина, следствие тормозили намеренно. В конце послания была приписка с вашими координатами и совет: «Если хотите добиться результата, обратитесь в это детективное агентство. Пусть сыщики начнут предварительное расследование. Настаивайте на причастии к работе Евдокии Землероевой». – Важная дама, не скрывая недоуменного интереса, поглядела на молоденькую сыщицу: – Я заинтригована. Не понимаю, в чем подвох. Может быть, вы мне объясните? Евдокия, вы имеете какие-то особенные возможности?

«Ну, начало-о-ось, – рассерженно-расстроено подумала Дуся. – Понеслась душа в рай...»

Черпая в Интернете сведения о вероятной клиентке, сыщики получили некоторое представление о дамочке.

Камилла Эдуардовна Шляхтич прославилась на всю Москву неумным влечением ко всяческого рода магии. Прикармливала экстрасенсов, гадалок, врачей и прочих чудаков. Сама общалась с духами за спиритическим столоверчением.

Заподозрив нечто этакое в Землероевой, спросила в лоб.

– Я сыщик, – твердо выговорила Евдокия. – Никакими особыми способностями не пользуюсь, работаю головой.

– Языком и ногами, – едва слышно пробурчал патрон вдогонку.

Но Камилла огорчилась.

– Жаль. Бывают детективы-экстрасенсы. Они творят невообразимые вещи...

«Вот и обращалась бы к ним!» – мысленно фыркнула Землероева. Но Паршин уже перебивал вошедшую в эзотерический клинч даму, не дал себя сковать и оплести бредятиной:

– Камилла, пока мы так и не дошли до сути задания, которое вы хотели бы нам поручить. Может быть, будет проще, если вы попросту позволите нам ознакомиться с посланием информатора и мы сразу же начнем предварительное обсуждение?

Потенциальная заказчица кивнула.

– Как понимаете, я убрала из текста некоторые... мгм, подробности личной жизни моего отца. Так что читать будете купюрами. – Говоря это, Шляхтич достала из клатча вчетверо сложенный листок бумаги и протянула его сыщикам. Догадываясь, что она и детективы почти пришли к согласию, Камилла уже могла показать им конкретику. – Вот. Все, как я и говорила. Ваши координаты, советы, Евдокия Землероева...

Но детективов больше интересовала информация об убийстве Эдуарда Романовича.

Сведения с первых же строчек разили наповал.

По мнению анонима, миллиардера Шляхтича отработала группа наемных убийц, именующих себя не без черного юморка «Синдикат великих киллеров». СВК.

О заказчике убийства ни слова.

Зато давалась привязка, как можно выйти на этот СВК, повесив сообщение на определенном сайте. (Текст прилагался.) И ждать ответа. Давалась рекомендация: при возникновении вопроса «Откуда вы о нас узнали?» можно сослаться на определенного господина.

– Интересно, откуда у информатора такие конфиденциальные сведения? Подробности.

Сыщики переглянулись. Паршин поморщился: пованивает дельце, ох пованивает.

Но интересно – жуть!

Процесс захватывал уже и Евдокию. Напротив нее сидела неординарная сдвинутая дамочка – хоть в кино ее снимай, уже и грим наложен! – в руках бумажка с информацией, способной на тот свет отправить.

Но интересно – до костей! Зуд побежал по пальцам. От листка как будто электричеством долбило.

Видя, что сыщики дочитали и ознакомились с посланием, Камилла затушила в пепельнице уже вторую сигаретку и выразительно поинтересовалась:

– Ну? Мы договорились?

Олег невозмутимо произнес:

– Нам надо подумать. По совести сказать, я не очень понимаю, какого результата вы от нас ждете? Вы разумная женщина, Камилла, найти конкретного убийцу вашего отца у нас вряд ли получится. Нет. Не получится наверняка! Давайте будем честными.

– А я и не жду, что вы мне снайпера на блюдце принесете. – Шляхтич подалась чуть-чуть вперед и, в упор разглядывая сыщика, определилась по цели: – Мне нужно лишь подтверждение факта – Синдикат имеет место быть. И уже с этой подтвержденной информацией я пойду в прокуратуру. Или ФСБ. Как карта ляжет.

Относительно «карты» Дуся поняла буквально: гадать отправится мадам. Не исключено, прежде чем войти в контакт с земными сыщиками, черноглазая брюнетка уже провела сеанс связи с духами достойных предков. Сама же говорила – ночью не спала. Чем, спрашивается, занималась?

Паршин в свою очередь подумал: «Да, да, конечно. Дамам, что имеют на Москве репутацию шизофреничек, в прокуратуру можно только с полной доказательной базой, свидетельствами и кучей подшитых бумажек. Иначе – попрут, начнешь права качать, и санитаров вызовут. Сочувствую от всего сердца».

И поскольку напарники находились на разной волне, слова Евдокии безмерно удивили Паршина.

– Камилла, а может быть, вам сразу же идти в прокуратуру? С вашими-то связями, с вашим умением убеждать и правильно вопрос поставить...

Лесть, что отлично проскочила с тетей Машей, отрикошетила от Шляхтич, как сухая горошина от танка.

– Евдокия, дорогая, посмотрите на меня. – Богачка, немного изогнувшись в талии, изобразила у лица жест, похожий на обмахивание веером. – Я сильно похожа на мадам, которую ждут в следовательских кабинетах? Давайте-ка, как предложил Олег, беседовать по совести. Вы знаете, что у бюджетников на таких, как я, стойкая идиосинкразия. Личная, врожденная непереносимость. Аллергия, проще говоря. И вот вы. Предлагаете мне взять вот этот самый мятый листок. – Длинный алый ноготь Шляхтич цокнул по лежащему на столе купированному сообщению. – И идти с ним в прокуратуру, да?

Камилла не стала даже продолжать.

А Евдокия подумала, что зря почти исключила из употребления поговорку «цыплят по осени считают». Полусумасшедшая по виду тетка влет рвала каблуки и красные подметки с лабутенов!

– Простите, я хотела как лучше, – пробормотала Землероева под насмешливым взглядом Паршина.

– Я принимаю, – без высокомерия согласилась миллиардерша. – Вы меня заинтересовали, надеюсь, некоторая ваша наглость и есть тот самый первозданный дар.

«Ох, верно формулирует! – на этом месте восхитился Паршин. – Попало Дусеньке за дело! Негоже всех глупей себя считать».

Камилла отвернулась от стушевавшейся Землероевой и обратилась к главе агентства:

– Олег, я понимаю, что должна дать вам время на размышление. Моя проблема весьма нетривиальна. Но все-таки надеюсь: вы мне не откажете.

Переворотом от показательной порки Дуси до уважительного «вы мне не откажете», миллиардерша, скорее всего, преднамеренно подчеркнула, что выступает здесь просительницей. Чем произвела благоприятное впечатление.

– Мы, – Олег в той же манере намеренно подчеркнул союз Паршин – Землероева, – подумаем. Сколько времени у нас есть на раздумья?

– Сутки, – произнесла Шляхтич, вставая. – Жду вашего ответа завтра в полдень. – Камила достала из сумки тощенький конверт, шмякнула его на стол перед Олегом. – Здесь задаток. Расходы пойдут отдельной статьей.

Гостья грациозно заскользила к двери, почти у порога развернулась.

– Если мы не договоримся, задаток можете оставить у себя, это плата за молчание. Евдокия. Когда вы родились? Я хочу составить ваш гороскоп, если позволите. И мне бы очень помогло точное время вашего появления на свет.

Дуся скромно отчиталась.

– Хороший знак гороскопа, – испытывающе глядя на сыщицу, одобрила ее рождение мадам. – Надеюсь, что до встречи, господа.

(Даже через час после ухода Шляхтич по офису сновал аромат ее парфюма. Пах в основном конверт.)

Как только за посетительницей закрылась дверь, Паршин цапнул денежки, раскрыл конверт и пошевелил указательным пальцем купюры.

– Ну? – поторопила Евдокия. Конверт выглядел жиденько, но Дусю поразили слова Олега:

– Сто тысяч. Евро. Бумажки по пятьсот.

– Сколько?! Она предлагает эти деньги только за молчание?!

– Расходы пойдут отдельной статьей, – заторможенно пробормотал патрон. – И это только аванс.

– Это жопа, Паршин, жопа! – Евдокия вскочила на ноги, забежала по кабинету. – Не верю я Камилле ни на грош!

Начальник, продолжавший ворошить бумажки, промолчал, и Землероева, усевшись на край его стола, нависла над командиром.

– Олег. Вот сам подумай. У Шляхтич полный штат службы безопасности. Она сама о них упомянула. Так почему ей нужна помощь со стороны?.. Напрягла бы своих, ребята наверняка не лыком шиты, работают не за три рубля...

– Она следует советам анонима, – не глядя на напарницу, перебил Олег.

– Ой-ей-ей! – скептически воскликнула Землероева. – И что? Камилла не похожа на доверчивую тетку! У нее котелок под вуалькой – варит! Зачем ей мы?!

– Не ори, – поморщился Олег. – Что за манера – наседать.

– А ты меня иначе не слышишь.

– Да слышу я, Дуська, слышу. Камилла тебя элегантно щелкнула по носу, ты и...

– Паршин!! – не дала закончить напарница. – Я сейчас тебя по носу щелкну! Клавиатурой от компьютера!

– Налей-ка, Дуся, мне еще кофейку... А сама воды попей.

Евдокия фыркнула, спрыгнула со стола и направилась к угловому столику с кофемашиной. Начальник продолжал:

– Мне кажется, мы ничем не рискуем, если выложим на сайт объявление для СВК и подождем реакции. Объявление индифферентное. Ни о чем не говорящее...

– Ага, – вякнула Землероева. – А дальше что? Что ты предложишь киллерам, когда те выйдут на связь?! «Грохните, пожалуйста, Васю Тютькина, которого в принципе не существует», да?! Объект заказа должен быть – реальным! Мы ищем выход на серьезных людей. С ними отговорки не прокатят. Или... ты предложишь своего соседа сверху заказать?.. Того, что затопил тебя два месяца назад.

Землероева почти забыла о звонке Анечке Мироновой, хотя маленькая толстая стрелка на часах давно зенит перешагнула. В углу негромко пыхтел кофейный аппарат, Дуся скакала по кабинету раздраженной блохой.

– Олег, заказ выполнить невозможно! Давай, пока не поздно, вернем Камилле деньги. Иначе, чует сердце, влипнем! Подумай, кто она, кто мы?! Настропалит своих служак, те начнут работать параллельно, а влипнем – мы!

– Так. Стоп. – Рука Олега шлепнула по столу. – Давай подумаем конструктивно.

– Ты не способен думать конструктивно. Твои полицейские мозги в застое скисли, ты в это дело уже вцепился.

– Может быть. Но нам за то деньги и платят, чтоб мы мозгами шевелили.

Евдокия поставила перед Паршиным кофе, немного черного напитка выплеснулось из чашки на блюдце: руки «официантки» вибрировали от переизбытка чувств.

Паршин невозмутимо подложил под чашку листок бумаги, дабы капли кофе промокнуть. Достал из кармана пачку сигарет и зажигалку...

Землероева слегка поморщилась. Но выгонять Паршина на крыльцо из кабинета, где уже Камилла надымилась, не по-товарищески. А сигареты помогали шефу думать.

– Есть идея, – минуты через две сказал накурившийся патрон. – Аноним не написал, что СВК работает только по убоям. Давай предположим, что у убийцев более широкая квалификация... Давай предложим СВК сложную работу, но без крови. К примеру... что-то выкрасть. Добыть. Не заказывать же в самом деле «соседа Васю Тютькина».

– А если они тебя пошлют?

– А если мы им заплатим столько, что отказаться будет невозможно? – воткнул Олег.

И Дуся, взяв со стола зажигалку, чиркнула кремнем и на пару секунд поднесла огонек к подбородку командира, у которого мозги действительно от перекура шевелились лучше. Своеобразный респект произвела.

– Надо только выдумать что-то эдакое... – Олег поднял руку вверх, покрутил растопыренными пальцами, – реальное, без дураков...

– Снять банковскую ячейку на подставное имя и попросить добыть из нее наживку?

– С ума сошла? Ребята деловые, могут в банке шухер устроить. Положат там, не дай бог, кого... Или семью работника в заложники возьмут... Нет, Евдокия, изобретать нужно то, что можно легко проверить на предмет подставы. Желательно с реальным прошлым, а не заготовку двухдневной свежести.

...Через полчаса в кабинете можно уже было вешать сейф, так как топор для столь прокуренного воздуха уже не показатель. Но Землероева крепилась. Дымящий патрон, прищурившись, генерировал идею за идеей.

– Попросить подключиться Камиллу, пусть отдаст в наживку какое-нибудь полотно кистей Рембрандта?

– Не стоит. Во-первых, по произведениям искусства работают особые умельцы. Нам могут отказать. А во-вторых, человека с фамилией Шляхтич подключать нельзя. Если аноним не обманул, в прошлом году спецы из СВК ее папашу грохнули.

– Согласен. Но Камилла может попросить об одолжении приятеля-миллиардера. С Рембрандтом-Тицианом на стене или кучкой бриллиантов в прикроватной тумбочке.

– Хочешь брать спецов на «горячем»? На деле?

– Было бы неплохо. Подготовить помещение с «кучкой», навешать камер наблюдения...

– Да нет, Олег, – поморщилась напарница. – Кража ценностей – не аргумент для синдиката душегубов. Давай-ка покури еще.

На этот раз начальник вышел на крыльцо. А Евдокия, опомнившись, позвонила Анечке Мироновой:

– Ну как вы там? Светлана не нашлась?

– Нет, Дуся, – огорченно произнесла плясунья.

– Ань, ты меня прости, конечно, но почему ты не хочешь папу Александр Сергеича напрячь? Я, безусловно, не отказываю в помощи, но папа...

– Да папа Светку терпеть не может! – выпалила дочь авторитета. – Если она пропадет, он с радости напьется!

– О как, – задумчиво пробормотала Дуся. – А чем ему твоя подружка насолила?

– Да тем, что помогает! Если б не Светка, я б, может, по сельским домам культуры с краковяком гастролировала! Или ушла из танцев, что наиболее вероятно.

– Понятно. Куда мне подъехать?

– Даже не знаю, Дуся. У нас сегодня вместо репетиции выступление подвернулось. Мы через четыре часа уже в области в яхт-клубе отплясывать должны... Туда еще добраться нужно.

– Хорошо. Скинь мне на «мыло» всю инфу по Свете, я начну работать без тебя.

– Ой, Дусенька! Какая же ты у меня прелесть, чтоб я без тебя... Сказала ребятам, что ты за розыски возьмешься, у всех маленько отлегло.

«Взяться-то я возьмусь... Но будет ли время? Паршин бьет копытом, удила грызет, его лучше без присмотра не оставлять. Гарцует жеребец. Не дай бог, попадет на бойню мясокомбината. – Евдокия сидела на краю стола и болтала в воздухе ногой. – Может, перепоручить розыски Тимуру Комарову?.. Работа непыльная, возьмет недорого, как с родных. А «потеряшки» у него лучше нашего находятся, квалификация, все схвачено...»

В связи с именем детектива из союзнического агентства в голове Евдокии блеснула более существенная мысль.

– Олег!! – Землероева гаркнула, как потерпевшая. – Иди сюда, идея родилась!!

Дуся дождалась, пока вернувшийся Паршин уселся в кресло, все это время прыгала по кабинету, привычно «утаптывая» мысли. Патрон расположился, напарница – по принятому распорядку – нависла над его столом, упираясь в край руками.

- Олег, ты Диму Пучкова помнишь?
- Шутишь, что ли? Незабываемая тварь.

Господин Пучков был притчей во языцех сыщицкой среды, синонимом канальи. Пару лет назад в Дмитрия Георгиевича даже стрелял разгневанный клиент, которого тот начал шантажировать полученными при заказе фотоснимками. (Клиент, промахнувшийся по каналье, условно получил. Засадить беднягу не поднялась даже суровая прокурорская рука.) Когда у Евдокии случались приступы тяжелой меланхолии и ненависти к сыщицкому промыслу, Олег употреблял при ней фамилию Пучков в микроскопически терапевтических дозах: «Дуся, людям нужна помощь. Не будет нас с тобой – несчастные мужья и жены пойдут к Пучковым. И нарвутся на такой пожизненный пресс, Пучок их так выдоит... что не оставит даже пенсионных накоплений! Мы, Дуся, не в замочные скважины подглядываем, мы людям помогаем не сойти с ума от неизвестности. Порой за нож или кухонную сковородку не схватиться».

– Я недавно Диму видела. На новой тачке. В прикиде из Милана. Как думаешь, чем Дима пробавляется, ежели агентство, после памятного происшествия, пришлось закрыть?

– Ты спрашиваешь или можно не отвечать? – прищурился Олег.

– Не отвечай. И так понятно. Пучок досуха выжимает прежних клиентов. И компромата у него, Олег, – Дуся провела ладонью над макушкой, – воз и двадцать маленьких тележек. Он, сукин кот, годами закрытые проплаченные дела листок к листочку складывал да подшивал. Вместе с «фотосессиями».

Евдокии уже не надо было словесно оформлять идею. Паршин сразу понял, кого можно изобразить перед ребятами из СВК: обиженного на детектива Пучкова клиента. Умельцам можно заказать розыск подшитого компромата Димы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.